ПОКА СОХНЕТ ФОРМА

АСЯ ХЕЙЛ

Ася Хейл
Пока сохнет форма

https://litres.ru/74791523
SelfPub; 2026

Аннотация

Все ждут, когда Майя вернётся в бассейн. Тренер следит за восстановлением плеча, отец строит планы на сборы, а сама она впервые радуется вечерам без тренировок. Сказать, что дело уже не только в травме, страшнее, чем снова выйти на старт.

Тимофей пытается закрепиться в новой группе. Он просит Майю разбирать его заплывы, и встречи, начавшиеся как подработка, становятся совсем другими. Теперь признаться ещё труднее: для него бассейн — будущее, от которого она мечтает уйти.

Пока сохнет спортивная форма и обжигается первая неровная чаша, Майя ищет ответ на вопрос, которому её не учили: как перестать хотеть победы и не потерять тех, кого любишь?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 29
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Пока сохнет форма

Глава 1

Майя успевает убрать руку до того, как отец берётся за рукав её толстовки.

— Я сама.

Он отпускает ткань. В кабинете жарко, и молния заедает на сгибе, но Майя расстёгивает её медленно, не поднимая правый локоть. Четыре недели назад отец помогал ей даже вымыть голову. Теперь от одного его движения к её плечу становится тесно, хотя он ничего не говорит.

Андрей Сергеевич поворачивает стул от компьютера.

— Как прошла неделя?

— Нормально.

— Это мне мало помогает.

Майя кладёт толстовку на колени. На столе лежит прозрачная линейка, под стеклом — лист с телефонными номерами. Она смотрит туда, пока рассказывает про упражнения, про сумку, которую перестала носить на одном плече, и про ночь со среды на четверг: проснулась на правом боку, потом долго устраивалась. Боль была несильная. Это она добавляет сразу, прежде чем отец успевает податься вперёд.

Врач задаёт ещё несколько вопросов. Просит встать, проверяет движения, велит остановиться там, где тянет. Майя

останавливается чуть раньше: знает, что ещё немного может. Ей хочется, чтобы осмотр уже закончился, но страшно услышать, что теперь пора в воду.

Когда врач говорит «садись», она берёт толстовку обеими руками и прижимает к животу. На металлической застёжке осталась влага от её пальцев.

— Что с бассейном? — спрашивает отец.

Он произносит это спокойно, тем рабочим голосом, которым уточняет, пришла ли нужная деталь. Вчера вечером Майя слышала его на кухне: «Если подшипник не менять, снова потечёт. Нет, подтянуть не получится». Тогда ей было хорошо от этого голоса. Отец знает, что с чем соединяется, в каком месте ломается, сколько надо подождать.

Андрей Сергеевич отодвигает мышку.

— Пока продолжаем согласованную программу. С обычной группой не тренируемся. Я хочу посмотреть, как будет идти восстановление дальше. Через две недели увидимся ещё раз.

Майя чувствует, как отпускает живот. Две недели. Четырнадцать дней, в которые можно не заводить будильник на пять сорок, не вставать на холодный кафель, не ждать свистка. Она опускает голову, будто рассматривает рукав.

— А если по чуть-чуть? — спрашивает отец. — Просто ногами? Она раньше так делала, когда…

— Павел, мы не будем добавлять нагрузку по прошлому опыту. Сначала обсудим её с тем, кто ведёт восстановление.

И не надо проверять плечо, пока никто не видит. Майя?

— Не буду.

Врач ждёт, пока она поднимет глаза.

— Боль стала меньше, это хорошо. Но меньше боли и готовность к прежним тренировкам — разные вещи. Твой план сейчас у Анны Олеговны. Если что-то меняется, говоришь ей, а не терпишь до следующего приёма.

— Она говорит, — торопится отец. — Мы за этим следим.

— Я спрашиваю Майю.

Папа откидывается на спинку стула. Ни обиды, ни раздражения на его лице нет; только возле губ проступают две жёсткие складки. Майя знает их с раннего детства. Когда в квартире надо было выключать свет в комнате, из которой уходишь, когда она потеряла в автобусе новые очки, когда неожиданно понадобились деньги на поездку, — отец молчал с таким же лицом. Она быстро кивает врачу.

— Я скажу.

На листе с назначениями появляется новая дата. Майя следит за ручкой, пока врач обводит число. До этой даты никто не спросит с неё времени на двухстах метрах. До неё не придётся встречаться с Лидией Малаховой у края дорожки и объяснять, почему организм уже может, а она всё ещё стоит в душевой.

— На физкультуру справку продлить? — спрашивает Андрей Сергеевич.

— Да, — отвечает она слишком быстро.

Отец поворачивается. Майя поправляет:

— Чтобы учитель знал, что мне можно.

— Правильно, — говорит врач. — Сейчас распечатаю.

Принтер захватывает бумагу с сухим хрустом. Майя одевается, осторожно устраивает правую руку в широком рукаве, потом просовывает левую. В зеркальной полосе шкафа мелькает её лицо: загорелые щёки, светлые брови, волосы в низком хвосте. Никакой беды не видно. Даже плечо снаружи выглядит как другое.

В коридоре отец складывает справки в файл, который принёс из дома. Уголки уже побелели. В нём были результаты осмотров, записанный от руки план и старый чек за обследование. Майя каждый раз замечает этот чек, хотя отец ни разу не показывал ей сумму.

— Ну что, — говорит он. — Ещё две недели, и посмотрим.

— Угу.

— Не унывай.

Она застёгивает молнию до горла.

Унывать надо было бы из-за отсрочки. Нормальный человек, который проплавал девять лет, расстроился бы: снова нельзя, снова чужие результаты в чате, снова утренние фотографии из бассейна без тебя. Майя тоже умеет расстраиваться. В первые дни ей было страшно даже представить, что она потеряет сезон. Она сидела на кухне, положив руку на стол, и говорила отцу, что всё пройдёт. Обещала выполнять упражнения, вовремя ложиться, вернуться сильнее.

Потом однажды проспала до восьми.

За окном уже работал дворник, внизу открыли прачечную, из булочной на углу выходили люди с бумажными пакетами. Всё это существовало и раньше, но Майя обычно проезжала мимо в тёмном автобусе, до начала чужого дня. В то утро она долго лежала и слушала, как в кухне закипает чайник. Ни одна часть её тела не торопилась.

С тех пор прошло двадцать шесть дней.

На улице отец останавливается у машины, чтобы ответить на звонок. Майя садится сама. Ремень приходится придерживать левой рукой, пока он идёт по диагонали через грудь. На заднем сиденье стоит коробка с насосом, и от неё пахнет влажным металлом. У папы весь багажник занят инструментами, поэтому насос едет там, где раньше, когда они выбирались за город, лежала их еда.

— Нет, часа через полтора, — говорит он в телефон. — Я дочь из больницы забираю. Нет. Сейчас не могу.

Он садится за руль и некоторое время смотрит на погасший экран.

— Ты в школу сегодня успеваешь только к четвёртому. Может, домой? Я классной напишу.

Майя хочет в школу. Это странно и до сих пор немного стыдно: раньше она была рада любому разрешённому пропуску, потому что между водой, залом и домашним заданием не оставалось места даже на нормальную еду. Теперь ей хочется сесть за парту рядом с Соней, достать тетрадь без

мокрой обложки и услышать, что задавали по истории.

— Подвези. Там химия, мне надо лабораторную закрыть.

— Точно?

— Пап, я же не больная целиком.

Он коротко смотрит на неё, потом заводит двигатель.

Майя сразу жалеет о тоне. Папа отпросился, потерял половину утра, отвёз её через весь город. Сидел перед кабинетом, пока она разговаривала с Анной Олеговной, сходил за водой, потому что здесь кулер снова был пустой. Он не заслуживает, чтобы с ним разговаривали, как с человеком, который мешает.

Она достаёт из кармана батончик и кладёт между ними.

— Будешь?

— Твой же.

— Я дома завтракала.

На светофоре он разрывает обёртку, откусывает половину и возвращает остальное. Майя ест, хотя не хочет. Шоколад успел растаять, на большом пальце остаётся липкое пятно. Папа подаёт салфетку, не глядя: их обычное движение, освоенное за десятки поездок.

— Лидии Алексеевне я сам напишу? — спрашивает он.

— Я отправлю справку.

— Только сегодня. Она должна планировать.

Майя открывает чат тренера. Последнее сообщение пришло в пятницу: «Как самочувствие? Не выпадай совсем. Если есть силы, приходи посмотреть тренировку». Майя тогда

ответила, что придёт после врача. Теперь эти слова выглядят как договор, который она заключила во сне.

Она фотографирует лист на коленях. Рука отца ненадолго попадает в кадр: пальцы с въевшейся в складки серой пылью, обручальное кольцо давно снятое, светлая полоска уже не видна. Майя делает ещё один снимок.

«Пока без воды. Повторный приём через две недели».

Три точки появляются почти сразу, исчезают, снова появляются.

«Поняла. Подойди в четверг после школы, поговорим».

— Что говорит? — спрашивает отец.

— Чтобы пришла в четверг.

— Вот и хорошо. Посмотришь на ребят, легче будет. Тебе же этого не хватает.

Майя смотрит в окно. У магазина школьник её возраста держит перед собой велосипед, пока второй пытается пристроить на багажник большой пакет. До уроков они, наверное, не успеют. Или уже закончили. Или у них сегодня свободное окно и они просто могут стоять здесь сколько угодно.

— Не хватает, — говорит она.

Машина сворачивает к школе. Перед лежачим полицейским отец притормаживает, и насос сзади глухо стукает о коробку.

— Ты вернёшься, Май. Сейчас главное — всё правильно сделать. Помнишь, что мы в августе решили?

Она помнит.

Папа сидел на краю её кровати. Она только перестала плакать, и он гладил большим пальцем её здоровую руку. «Если ты сама хочешь, мы вытянем. Я найду. Только скажи, что хочешь». Тогда Майя сказала. Она испугалась не того, что больше не сможет плавать, а того, что отец вот-вот перестанет верить в неё. Разницы она ещё не знала.

Перед школой он выключает поворотник и ждёт, пока она отстегнётся.

— Я хочу, — говорит Майя.

Папа кладёт ладонь ей на затылок, на секунду прижимает к себе. От куртки пахнет улицей и тем самым железом. Она не отстраняется.

— Значит, получится.

Выйдя из машины, Майя поправляет на спине школьный рюкзак. Спортивной сумки с ней нет, впервые за много лет она не заталкивает её под парту ногой. На пустом месте у левого бедра совсем легко.

Она идёт к дверям и не оборачивается, пока не слышит, что папа уехал.

Глава 2

Соня держит над штативом пробирку и не может освободить место на парте.

Майя стоит рядом с рюкзаком в руках. На её половине лежат чужая тетрадь, пенал с цветными ручками и телефон в прозрачном чехле. Между чехлом и телефоном вставлена фотография собаки. Это вещи Кати Зуевой, которая сидела у окна ещё в прошлом году.

— Май, я думала, тебя не будет, — шепчет Соня.

Елена Викторовна поднимает голову от журнала.

— Рябцева, справка есть?

— Да.

— На стол положи. Садись пока с Громовым. Работу потом допишешь.

Майя послушно идёт на третью парту. В прошлом году она именно этого и хотела: чтобы её не трогали, разрешали приходить и уходить между уроками, не просили включаться в каждый общий разговор. Теперь Громов убирает с соседнего стула куртку, и она чувствует себя девочкой, которая пришла в чужой класс.

— Ты с начала года где? — спрашивает он.

— Тут была. В среду и пятницу.

— А.

На этом его интерес заканчивается. Он показывает, что

нужно записывать, и разворачивает к ней учебник. Майя переписывает формулы, стараясь не смотреть на Соню. У той новая стрижка: волосы едва закрывают подбородок. В пятницу Майя заметила, но ничего не сказала. Торопилась после уроков на восстановление и спросила только, можно ли сфотографировать конспект.

Когда Елена Викторовна проходит мимо, Майя спрашивает разрешения поставить собственный опыт. Учительница проверяет справку, предупреждает, чтобы она ничего тяжёлого не переносила, и даёт свободный лоток. До звонка остаётся двенадцать минут. Майя успевает сделать всё, кроме вывода. Громов уже закрывает тетрадь.

— Потом сфоткаешь у меня, — говорит он.

Она кивает, хотя хочет закончить сама.

На перемене Соня ждёт её у двери.

— Ты надолго теперь?

— Куда надолго?

— В школу. На все уроки.

— Пока да.

Мимо протискивается восьмой класс, Соню задевают рюкзаком, и она уступает к стене. Майя ждёт привычного «что с рукой?» или «когда обратно?», но Соня достаёт бутерброд из контейнера и принимается есть. До следующего урока надо спуститься этажом ниже, у Майи ещё не открывается новый электронный дневник, и она собирается попросить пароль от классного аккаунта. Потом замечает, как Со-

ня придерживает крышку контейнера локтем.

— Дай подержу.

Соня отдаёт ей крышку.

— Тебе хорошо подстригли, — говорит Майя.

— Спасибо. Я сама просила короче, но парикмахер решила, что мне хватит и так.

Майя смотрит на прямую линию волос. Раньше они сидели после уроков на лестнице и обсуждали такие вещи подробно: кому что идёт, какая краска смоется, разрешит ли Сонина мама проколоть вторую дырку в ухе. Потом в расписании Майи добавилась вторая вода, и разговоры сократились до фотографий тетрадей. Она не помнит, когда именно.

— Ты с Катей теперь сидишь?

— На химии да. Мы вместе проект делаем.

— Я же тоже могу.

Соня заворачивает вторую половину бутерброда в салфетку.

— Май, мы ещё в конце августа договорились. Тебя не было, ты не отвечала.

Она не говорит это с упрёком. От этого хуже: место уже заняли и никому не требуется оправдываться. Майя возвращает крышку.

— Я не про ваш. Вообще могу.

— Тогда спроси у Елены Викторовны. У неё список тем остался.

Соня защёлкивает контейнер и ждёт, пойдёт ли Майя ря-

дом.

На литературе их места сохранились. Майя садится у прохода, привычно оставляет слева пространство для сумки, потом передвигает стул. Соня раскрывает пенал. На рукаве её чёрной рубашки белеет засохшая полоска.

— Чем испачкалась?

— Глиной. В субботу не отстиралось.

— Ты всё-таки пошла?

Соня смотрит на неё чуть дольше, чем нужно для простого ответа.

— Ещё весной. Я тебе показывала чашку.

Майя помнит фотографию. Кривой край, зелёная глазурь, Сонины пальцы с облупленным лаком. Она тогда отправила сердечко. Кажется, между разминкой и стартом. Или в автобусе по дороге домой. На фотографии чашка выглядела маленькой, а Майя представила целый вечер, потраченный на то, что можно купить за сто рублей.

— А туда сейчас можно?

— В мастерскую?

— Угу.

Соня достаёт телефон, находит страницу. На снимке длинный стол, несколько светлых мисок и окно с широким подоконником. Ни медалей, ни дипломов. Внизу написано: «Начальная группа. Ручная лепка. Четыре встречи — две тысячи рублей. Материалы и обжиг включены».

— Мы по субботам. Два места оставались. Но ты же скоро

вернёшься на тренировки.

Майя увеличивает фотографию. В углу стоит вещь, похожая на неровную коробку без крышки. Ей почему-то хочется взять её в руки, провести по краю большим пальцем. Понять, тяжёлая ли.

— Скинь мне.

— Скину. Только напиши Вере Александровне сама. Она спрашивает, нет ли ограничений, если у человека что-то болит.

Звенит звонок. Соня убирает телефон, и Майя остаётся с открытым сообщением о мастерской. Она выключает экран не сразу.

* * *

Домой Майя приходит в половине четвёртого. В подъезде пахнет порошком и мокрыми простынями: дверь прачечной со двора открыта, работницы выносят пустые тележки. Майя пропускает Нину Петровну с пакетом полотенец.

— Отец у меня, — говорит та. — Третью машину смотрит. Ты поела?

— Сейчас поем.

— Иди. Он уже второй час собирается.

Майя поднимается на этаж, открывает квартиру и останавливается в коридоре. Под вешалкой стоят папины ботинки, на крючке висит запасная куртка. Сквозь пол идёт ровная дрожь. Она знакома с ней с детства, иногда замечает только тогда, когда внизу выключают машины и шкаф вдруг пере-

стаёт мелко позванивать стеклом.

В кухне на плите суп. Майя разогревает две порции, одну переливает в контейнер, берёт хлеб и спускается обратно.

Папа сидит на корточках перед открытой стенкой машины. Рядом на чистой тряпке разложены винты. Майя не подходит вплотную: знает, что нельзя ставить ногу на провод и нельзя отвлекать, когда он слушает работающий механизм.

— Я принесла.

Он поворачивает голову.

— Спасибо. Оставь у Нины Петровны.

— Остынет.

— Я сейчас.

Она относит контейнер в маленькую комнату за стойкой. На подоконнике стоят три кружки, лежат перчатки и пачка печенья, над столом висит календарь с зачёркнутыми днями. У окна есть стул. Майя садится и впервые за несколько лет ждёт отца не после тренировки, когда хочется спать, а просто потому, что может подождать.

Папа приходит через десять минут, долго моет руки в раковине. Садится осторожно, как человек, который только сейчас замечает спину.

— Как школа?

— Нормально. На химии почти всё сделала.

— Почти?

— Вывод дома допишу.

Он кивает и ест. Майя смотрит на его руки — ногти ко-

роткие, кожа у большого пальца треснула — и вспоминает страницу мастерской. Две тысячи. У неё на карте семьсот сорок рублей, ещё две сотни лежат в копилке с иностранными монетами. Можно попросить у мамы. Мама пришлёт и потом спросит, почему не попросила папу. Папа узнает и скажет, что она делает из него чужого человека.

— Пап, а если я запишусь кое-куда на субботы?

— Куда?

— Лепить из глины.

Он поднимает глаза от супа.

— Это в школе?

— Нет. Мастерская недалеко от площади. Соня ходит.

— Плечом там работать надо?

— Я спрошу у Анны Олеговны. Там можно маленькое, руками.

— Ну, спроси.

Он снова берётся за ложку. Майя ждёт продолжения. Ей хотелось услышать хоть что-нибудь: «Покажи», «Ты давно хотела?», «И что там делают?» Но папа доедает, аккуратно сдвигая со стенок кусочки картофеля.

— Только потом, когда вода вернётся, смотри по нагрузке, — говорит он. — Суббота у вас тоже занята. Не набирай того, что всё равно бросишь.

— Я пока просто хочу попробовать.

— Так я и говорю: попробуй. Главное сейчас восстановиться.

Он не запрещает. Майя повторяет это себе, пока закрывает контейнер. Никто ей не запретил. Можно спросить про плечо, записаться, найти деньги. Не обязательно каждое желание сначала делать важным для папы.

— У меня ещё работа, — говорит он. — Ты наверху уроки делай. Поздно не лягу, обещаю.

Она забирает посуду. У дверей встречает Нину Петровну, которая протягивает ей рулон бумажных полотенец.

— Отцу передай, пусть эту руку наконец заклеит. Работает и кровит на всё.

Майя возвращается к столу. Папа уже у машины, и она кладёт рулон рядом с его кружкой. Потом, подумав, ставит сверху маленькую коробку пластырей из аптечки.

В квартире она открывает учебник, пишет вывод лабораторной и только после этого возвращается к странице «Тёплой глины». Нажимает «Сообщение».

«Здравствуйте. Можно ли к вам записаться, если я никогда не лепила?»

Её палец зависает над кнопкой. Конечно, можно. Группа так и называется — начальная. Но ей нужно, чтобы кто-нибудь сказал это лично ей, Майе Рябцевой, у которой в школьном альбоме с первого класса под именем написано «плавание».

Она отправляет вопрос.

Глава 3

В четверг Майя берёт спортивную сумку.

Купальник лежит в отдельном кармане, очки — в жёстком футляре. Она проверяет оба предмета, хотя врач ничего не разрешил и в воду она не собирается. Можно было сложить сменную обувь в пакет. Но прийти с пакетом означало бы объяснять каждому, зачем она пришла.

У входа в «Волну» дети из младшей группы едят бананы, прислонившись спинами к стеклянной стене. Майя проходит между ними и протягивает карточку. Турникет открывается. Зелёная стрелка вспыхивает точно так же, как в июне, когда она ещё могла пройти отсюда в раздевалку с закрытыми глазами.

— Привет, Май! — окликает администратор. — Вернулась?

— Пока к тренеру.

— Ну, давай. Ждём.

Майя кивает. Сумка, которую она взяла ради удобства, оказывается заявлением. Ребёнок у лестницы спрашивает у матери, кто это, и мать отвечает: «Девочка из старшей группы». Не говорит «была», хотя Майя уже успевает услышать именно это.

Она переобувается на скамейке. В раздевалке знакомая влажная духота. Из душевой выходит Даша Горина, заправ-

ляя волосы под шапочку.

— Ты чего молчала?

Даша обнимает её, но сразу отступает.

— Можно вообще?

— Можно. Только не дёргай.

— Я думала, ты к концу сентября. У тебя всё?

— Нет. Ещё восстановление.

Даша стоит перед ней в тапочках, одна пятка не до конца попала на подошву. Она похудела за лето или просто вытянулась; Майя не может понять. В детстве они мерились ростом у дверного косяка в тренерской, пока Лидия Алексеевна не запретила делать пометки на краске. Теперь Даша чуть выше.

— Тебя не хватает, — говорит она. — Меня поставили с младшими на среднюю дорожку. Половину тренировки обхожу.

— А Вика?

— В другой школе. Ты чат читаешь вообще?

Майя поправляет ручку сумки.

— Иногда.

Даша смотрит на неё без привычной улыбки. Они переписывались всю первую неделю после травмы. Потом Даша звала прийти на открытое занятие, Майя обещала и не пришла. Ещё позже Даша прислала видео с городских стартов. Майя посмотрела первую минуту и закрыла, потому что там кто-то занял её шкафчик.

— Ладно, — говорит Даша. — После увидимся? Я минут через семьдесят выйду.

— Постараюсь.

— Если уйдёшь, напиши хоть.

Она исчезает за дверью. Майя садится на скамейку и достаёт телефон. В сообщении Веры Александровны всё очень просто: место есть, занятия по субботам в два, можно начать с небольшой вещи; насчёт плеча лучше спросить своего специалиста. Майя спросила вчера. Анна Олеговна не возражала против спокойной ручной лепки с опорой для руки, но велела не таскать вёдра и не пытаться вымесить большой ком. Оказалось, новая жизнь тоже требует уточнений.

«Приду в субботу», — пишет Майя.

Следом появляется вопрос об оплате. Майя гасит экран. Вечером разберётся.

Лидия Алексеевна ждёт её в тренерской. На столе раскрыты две ведомости, возле чашки лежит свисток. Майя знает эту чашку лет шесть: белая, с эмблемой областных соревнований, ручка подклеена. Она берёт свободный стул, но не садится, пока тренер не показывает ладонью.

— Как дела, Рябцева?

— Лучше. Упражнения делаю.

— Молодец. Врачу не мешаем, сроки не подгоняем.

Майя выдыхает.

— Но выпасть из команды совсем — тоже не выход, — продолжает Лидия Алексеевна. — Можешь приходить хотя

бы раз в неделю. Посмотришь, послушаешь. Ничего делать не заставляю.

Она перелистывает ведомость. В колонках фамилии, годы рождения, цифры. Майя замечает свою строку, пустую справа. Отмеченный карандашом вопросительный знак похож на крючок, за который её пока удерживают.

— На ноябрь у нас учебно-тренировочный выезд. Отец в курсе. Посмотрим, успеешь ли подготовиться. Там можно будет работать по отдельному плану, если врач согласует.

— А если не успею?

— Значит, не поедешь. Это не наказание.

Лидия Алексеевна произносит последнюю фразу твёрже. Майя понимает, что тренер услышала в её вопросе прежнюю Майю — ту, которая в прошлом году разревелась в туалете из-за болезни перед поездкой.

— У нас новая группа с сентября, — говорит она. — И ребята из «Темпа» перешли. Сажин на короткой воде хорошо идёт. Ты его помнишь?

— По стартам.

— Да. Он рядом с Костровым раньше плавал. Есть к кому подтянуться, когда вернёшься.

Майя ставит сумку между ног. От её влажного дна на линолеуме остаётся тёмный след: по дороге она задела лужу у остановки.

— Я могу сегодня сверху посмотреть?

— Конечно. Даша обрадуется. Только потом не исчезай на

месяц. Мне трудно понимать, как у тебя дела, когда каждый раз надо выспрашивать.

— Я буду писать.

На зрительском балконе три женщины и мужчина с ноутбуком. Майя садится в самый конец. Внизу ребята стоят вдоль дорожек, перебирают очки, хлопают себя по плечам. Её тело без спроса повторяет начало разминки: пальцы сжимаются, стопа ищет край обуви. Она убирает руки на колени.

Сверху бассейн кажется меньше. Двадцать пять метров, восемь дорожек, синие флажки над поворотом. Она столько раз представляла, как идёт здесь вперёд, когда уже не хватает воздуха, и вдруг может смотреть, как это делают другие. Даша легко отталкивается от бортика. Майя следит за ней до противоположной стены и ловит себя на том, что считает гребки.

На соседней дорожке высокий парень в тёмной шапочке опаздывает с касанием. Лидия Алексеевна наклоняется, говорит ему что-то. Он слушает, затем кивает слишком часто. В следующей попытке снова спешит к стенке, сокращает последний гребок, теряет плавность. Майе хочется спуститься и сказать: не смотри заранее, ты сам меняешь расстояние. Она сильнее прижимает ладони к коленям.

Потом тренировка идёт обычным порядком. Через двадцать минут женщина рядом перестаёт следить и открывает книгу. Мужчина отвечает на сообщение. Майя остаётся одна с шумом воды, хотя вокруг есть люди. Даша поворачива-

ет голову к балкону, ищет её; Майя поднимает руку, и Даша ненадолго машет в ответ.

Она всё-таки остаётся до конца.

В холле Даша выходит вместе с двумя девочками. Её везёт домой мама одной из них, уже ждёт у дверей. Даша быстро обнимает Майю здоровой стороной.

— Напишешь вечером?

— Да.

— Не только «нормально», ладно?

Майя кивает. Она собиралась предложить пройтись до остановки, но говорить уже поздно: чужая машина, чужой маршрут, другая договорённость. Даша уходит, а Майя застёгивает сумку так аккуратно, будто это займёт столько времени, сколько ей нужно.

— Ты Майя Рябцева?

Она поднимает голову.

Перед ней стоит тот парень со средней дорожки. Волосы мокрые у висков, воротник куртки загнут внутрь. В руках телефон и смятый пакет с тапочками.

— Да.

— Тимофей. Мы на первенстве области были в одной разминке. В мае.

— Помню.

Она помнит его фамилию на табло. Само лицо — не очень: в мае лица были дополнительной подробностью к шапочке, дорожке и результату.

— Даша сказала, что ты хорошо видео разбираешь. Можно попросить тебя посмотреть моё?

— Что именно?

— Старт и первые метры. Лидия Алексеевна объясняет, а я на записи никак не вижу, что меняю. На тренировке вроде понял, потом смотрю — опять так же.

Он открывает видео, но не протягивает телефон ей под нос, ждёт. Майя подвигается на скамейке, и он садится рядом, не касаясь её плечом.

Запись снята сбоку, с нижних рядов трибуны. Тимофей касается экрана, останавливает изображение.

— Четвёртая дорожка. Вот.

Майя смотрит дважды. На третий раз просит вернуть к выходу из воды, и он отдаёт телефон. Она проводит пальцем назад, сравнивает два кадра.

— Ты раньше начинаешь делать то, что на сухой разминке у тебя позже, — говорит она. — Видишь, голова уже поднялась, а… Подожди. У тебя есть запись сбоку целиком?

— Есть. Сестра снимала. Но там сначала пол, потом я.

Он не улыбается, и Майя тоже. Ей нужен другой угол, а не повод посмеяться над сестрой. Тимофей ищет файл, хмурится.

— Я дома перекину. Ты можешь ещё раз так посмотреть? Не сейчас. Когда будет время.

Слова «когда будет время» действуют на Майю сильнее, чем просьба. Он не знает, что у неё теперь бывают целые ве-

чера. Не знает, как она ходит из кухни в свою комнату и обратно, снова открывает телефон, садится за сделанные уроки.

— Могу.

— Я заплачу. Правда. Я хотел брать дополнительные разборы, но там все по времени не подходят. А ты рядом.

Майя смотрит на его телефон. Ей кажется, что он сейчас увидит страницу мастерской в её собственной голове.

— Я не тренер.

— Я понимаю. Тренер у меня есть. Мне надо, чтобы кто-то не за две минуты показывал. Я медленно врубаюсь, когда на экране.

— Ты не медленно. Просто там быстро всё.

Он впервые смотрит прямо на неё. Глаза серые, на левой брови светлый пробел, будто там недостаёт нескольких волосков. Майя сразу переводит взгляд на экран.

— В субботу утром, — говорит она. — В библиотеке у площади есть столы. Там тихо. Принеси все записи, какие есть. И что тренер тебе сказал, лучше запиши.

— Во сколько?

— В десять.

Он набирает это в заметке. Потом они обмениваются номерами, и Майя видит своё имя на его экране без слова «плавание» и без результата в скобках. Просто Майя.

На остановке она отвечает Вере Александровне, что оплатит занятия в субботу. Затем пишет Даше длинное сообще-

ние — про врача, про школу, про то, как странно смотреть сверху. Про нежелание возвращаться там нет ни слова, но всё остальное правда.

Даша отвечает ещё до автобуса.

«Я рада, что ты осталась до конца».

Майя читает это дважды и убирает телефон в карман, где он больше не дрожит.

Глава 4

В библиотеке Тимофей занимает стол у розетки. Перед ним ноутбук, тетрадь и бутылка воды; куртка лежит на спинке соседнего стула, который он сразу освобождает для Майи.

— Я спросил, тут можно говорить, — сообщает он. — Не громко.

Майя снимает рюкзак и ставит на пол. В библиотеке она последний раз была в мае, когда брала книгу по школьному списку. Тогда забежала за десять минут до закрытия, а библиотекарь долго искала её формуляр. Сегодня всё другое: светлые столы, люди, которые никуда не торопятся, мужчина с газетой у окна. Время ещё не начал отмерять чей-нибудь свисток.

— Ты давно здесь?

— С половины десятого. Проверял, откроются ли файлы.

Она садится рядом, достаточно близко, чтобы видеть экран, но между ними остаётся край тетради. На обложке написано «История. 10 Б», буквы зачёркнуты одной линией.

— Это что тренер говорила, — объясняет Тимофей, открывая первую страницу. — Я не дословно. Просто записал после воды.

Там четыре пункта. Почерк наклонный, крупный, одна строчка уходит вверх. Майя читает и чувствует облегчение: от неё не ждут, что она сядет и сразу выдаст собственную

программу. Можно держаться конкретной вещи.

— Сначала посмотрим без остановок.

Он включает запись. Маленькая фигура на четвёртой дорожке отталкивается от тумбы, исчезает под водой, появляется и делает несколько гребков. В кадре слышно, как девочка спрашивает: «Теперь можно опустить?» — и мужчина отвечает: «Ещё плывёт». Тимофей уменьшает звук.

— Оля, — говорит он. — Сестра. Ей девять.

— Нормально сняла. Всё видно.

— Ей скажу.

Майя просит повторить. Потом ещё раз. На четвёртом просмотре замечает, что Тимофей смотрит на неё, а не в экран.

— Что?

— Я думал, ты уже поняла.

— Я хочу проверить.

Она останавливает запись и показывает момент, о котором говорила Лидия Алексеевна. Тимофей наклоняется, почти касается её плеча, но сразу возвращается назад. Майя замечает это движение и начинает объяснять быстрее, чем собиралась. Говорит про положение головы, про слишком раннюю спешку, про то, что нужно сравнивать попытки, а не только лучший результат. Он кивает. По тому, как быстро, она узнаёт его у бортика в четверг.

— Ты понял?

— Вроде.

— Тогда покажи сам.

Он долго двигает ползунок. Доходит до конца видео, возвращается в начало. Щёлкает не на том кадре.

Майя чувствует раздражение — короткое, неприятное. Она же только что объяснила. И почти сразу узнаёт в себе то самое нетерпение, с которым не хотела снова встречаться в бассейне.

— Подожди, — говорит она. — Я слишком быстро.

Тимофей убирает руку с мышки.

— Я обычно по ощущениям понимаю. А здесь себя не узнаю. Как будто другой человек.

Майя поворачивает ноутбук чуть ближе к нему.

— Тогда ты расскажи. Что ты помнишь в этом месте?

Он смотрит, как маленькая фигура выходит из воды.

— Что опаздываю. Я видел справа руку. Думал, уже отстал.

— Справа с дорожки раньше вышли. Это не значит, что тебя обошли.

— Да я потом понял. А там всё время кажется.

Они снова пускают видео. На этот раз Майя ничего не говорит, пока Тимофей не останавливает сам.

— Вот здесь?

— Да.

— А на следующей записи тоже?

— Давай посмотрим.

Мужчина с газетой встаёт, уносит чашку, возвращается.

Солнце успевает сдвинуться с крышки ноутбука на их тетрадь. Майя не замечает этого до тех пор, пока ей не приходится заслонить экран ладонью. Тимофей притягивает жалюзи за шнур, останавливается, оглядывается на соседний стол, не мешает ли. Женщина оттуда кивает. В комнате становится ровнее свет.

К одиннадцати у них готовы три коротких отрезка и два вопроса для Лидии Алексеевны. Майя не советует менять движение самостоятельно: пусть Тимофей покажет тренеру, что сумел увидеть. Он аккуратно подписывает файлы, хотя раньше все назывались одинаково, с разными цифрами в конце.

— Так понятнее, — говорит он.

Майя складывает руки на столе.

— Мне кажется, больше за раз не надо. Иначе всё смешается.

— У тебя получается.

Она ждёт добавления. «Хорошо для человека, который пока не плавает». «Хотя бы так». Но Тимофей уже закрывает тетрадь, как будто сказал всё, что хотел.

Майя смотрит на полоску света между жалюзи. Обычно слова «получается» означали, что она сделала быстрее, дольше, сильнее. Сейчас никто не измерил её, а у другого человека на столе появилась понятная тетрадь. Она не знала, что это тоже может нравиться.

— Сколько я должен? — спрашивает Тимофей.

Тепло мгновенно сменяется смущением. Майя готовила ответ дома. Пятьсот за встречу. Не за минуту и не за хороший старт, а за потраченное время. Она даже написала это в заметках, чтобы не отказаться в последний момент.

— Пятьсот, если тебе подходит.

— Подходит. Мы можем ещё несколько раз?

— Наверное, да. Когда будут новые записи.

— У меня контрольные в конце месяца, потом отбор перед областью. Я хочу до этого успеть. Шесть встреч нормально? С этой.

Майя считает недели. Шесть встреч можно растянуть до конца октября, иногда встречаться по будням, если у него получится. У неё-то получится. Но в субботу после обеда теперь мастерская. В первый раз мысль о собственном занятии входит в расчёт без папиного расписания.

— Шесть можно. Только по субботам я до часа. И не каждую неделю, надо смотреть, что изменилось. Один и тот же старт бесконечно разбирать нет смысла.

— Давай я сразу три тысячи переведу.

— Не надо сразу.

— Мне так проще. А то мама возьмёт из моих на что-нибудь, потом вернёт, потом я забуду. Это мои летние.

Он говорит без обиды на мать, деловито, будто объясняет устройство кармана, из которого всё время высыпаются мелочи.

— Ты работал?

— У дяди в прокате. Велосипеды выдавал, мыл. Не всё лето. Пока сборов не было.

Майя представляет его у ряда велосипедов, с тряпкой в руках, под обычным летним солнцем. Ей кажется, что она должна была знать об этом заранее, прежде чем брать деньги. Но откуда?

— Если какая-то встреча не получится, я верну, — говорит она.

— Хорошо.

Он ищет её номер в переводах. Майя диктует ещё раз, хотя номер уже есть в переписке. Приходит уведомление. Три тысячи рублей, отправитель Тимофей С.

Она не открывает банковское приложение. Просто записывает в его тетради: «6 встреч, оплачено. Первая — сегодня» — и ставит дату. Почерк у неё мельче, чем у него, строка ровная.

— Себе тоже запиши, — говорит он.

Она кивает.

Ноутбук оказывается старым и тяжёлым. Тимофей заталкивает его в рюкзак вместе с тетрадью, осторожно застёгивает молнию, чтобы не прищемить угол. Майя убирает свой телефон. Они одновременно встают и почему-то оба останавливаются, пропуская друг друга из-за стола.

У гардероба Тимофей спрашивает:

— А ты куда потом?

— В мастерскую. Из глины лепить.

Он поправляет лямку.

— Ты умеешь?

— Нет. Сегодня первый раз.

— Что будешь делать?

— Не знаю. Миску, наверное. Самое простое.

— Покажешь потом?

Майя застёгивает куртку. Она ещё ничего не сделала, а уже есть человек, который хочет посмотреть. От этого страшнее, чем от вопроса об оплате.

— Если получится.

— И если нет.

Они выходят к площади. Тимофею до бассейна в другую сторону, но он идёт рядом ещё один квартал. Майя знает это, потому что сама проходила маршрут сотни раз.

— Тебе налево было, — говорит она.

— У меня ещё полчаса.

Эти полчаса внезапно становятся заметными. Майя слышит, как под подошвами шуршат первые сухие листья, как с площади едет троллейбус, как Тимофей дышит рядом, когда ускоряет шаг после узкого прохода. Ей не нужно ничего анализировать. Можно просто идти и не отставать от собственного шага.

Возле булочной он всё-таки останавливается.

— Тогда до следующего раза?

— Напиши, что Лидия Алексеевна скажет.

— Напишу.

Он уходит. Майя остаётся перед дверью, за которой пахнет тёплым тестом. До мастерской ещё два часа, она не завтракала как следует, денег теперь больше, чем было утром. Можно купить пирожок, сесть у окна, открыть книгу из рюкзака.

Она заходит и выбирает место, где никто её не ждёт и откуда пока не надо уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.